

A movie poster for the film 'Бессонница' (Insomnia). The image shows a man with a grey beard and a woman with dark hair in a bun, both in formal attire, sitting closely together. The woman is wearing a shimmering, sequined dress and holding a long, flowing purple ribbon. They are in a room with large windows overlooking a city skyline at night, with lights reflecting on water. A clock face is visible in the background on the right. The title 'БЕССОНИЦА' is written in large, golden, serif letters across the bottom, with a crescent moon symbol integrated into the letter 'О'. Below the title is a small crescent moon icon. At the bottom right, there is a circular rating icon with '18+' inside.

БЕССОНИЦА

МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина

Бессонница

<https://litres.ru/74489379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей двадцать четыре. Ему сорок девять. Он — отец её лучшей подруги.

Это всё, что нужно знать, чтобы понять: у них нет ни одного шанса на простую историю.

Кира и Виктор начинают с ночных разговоров. И каждый знает, что рано или поздно придётся заплатить.

«Бессонница» — о любви, которая не помещается в чужое расписание. И о правде, которая не спасает — просто перестаёт быть ложью.

Содержание

Глава 1. 3:17	4
Глава 2. Саблин	14
Глава 3. Не тот взгляд	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бессонница

Глава 1. 3:17

Кира Белова улыбалась уже почти сорок минут.

Сначала — на пьедестале, когда над залом поднялся флаг и музыка перекрыла гул трибун. Потом — перед телекамерами, где ей в который раз задавали один и тот же вопрос: что она чувствует после такой победы. Потом — в коридоре спортивного комплекса, когда тренер обняла её крепче, чем позволяла себе обычно, и тихо сказала: «Вот теперь можешь выдохнуть».

Кира кивала, благодарила, смеялась в нужных местах и даже успела пошутить с журналистом, который спутал название одного из её упражнений. Всё было правильно. Именно так должен выглядеть вечер победительницы: цветы, вспышки, медаль на груди, поздравления в телефоне и ощущение, будто весь мир несколько минут вращается вокруг тебя.

Только выдохнуть у неё не получалось.

В раздевалке было уже тихо. Девушки разошлись, кто-то уехал с родителями, кто-то отправился отмечать с командой. На соседней скамье остался забытый белый бинт, на полу блестела крошечная золотая пайетка с чьего-то купальника. Кира сидела перед зеркалом, стянув волосы из тугого пучка, и смотрела на собственное отражение.

Щёки ещё хранили сценический румянец. Глаза казались ярче обычного — то ли от света, то ли от усталости. Медаль лежала рядом на лавке, тяжёлая и холодная.

Кира взяла её в ладонь.

Когда-то в детстве она представляла, что победа будет похожа на взрыв. На ослепительное счастье, после которого всё вокруг станет другим.

Теперь она знала: большие победы чаще всего заканчиваются тишиной.

— Белова, ты здесь уснула?

Кира обернулась.

В дверях стояла Антонина Саблина — Тоня для всех своих и Антонина для тех, кого она не особенно любила. На ней уже были джинсы, длинное пальто и нелепая вязаная шапка с помпоном, совершенно не вязавшаяся с образом безупречной гимнастки.

— Я думала, ты уехала, — сказала Кира.

— Я думала, ты празднуешь.

— Праздную.

Антонина посмотрела на пустую раздевалку.

— Очень убедительно.

Кира улыбнулась.

— Устала.

— Ты всегда устаёшь после побед. После поражений ты хотя бы злая.

— Спасибо за психологический портрет.

— Бесплатно. Пока.

Антонина села рядом и взяла медаль.

— Тяжёлая.

— Угу.

— Стоила того?

Кира повернула голову.

— Чего?

— Всего. Последних трёх месяцев. Сборов. Боли в спине.

Того, что ты на Новый год считала калории в мандаринах.

— Я не считала.

— Ты взвешивала их.

Кира рассмеялась.

Вот с Антониной улыбаться было легко. Они знали друг друга шесть лет, успели поссориться из-за пустяков, помириться после серьёзных вещей, делили гостиничные номера, лёд для ушибов, страх перед выходом на ковёр и редкие вечера, когда можно было съесть десерт без чувства вины.

— Стоила, — сказала Кира.

И почти поверила себе.

Антонина положила медаль обратно.

— Отец спрашивал, будешь ли ты в Москве завтра.

— А что?

— Зовёт на ужин. Я сказала, что ты наверняка будешь спать сутки.

— Очень деликатно.

— Я вообще деликатный человек.

— Особенно когдаходишь без стука.

— Так ты придёшь?

Кира пожала плечами.

— Посмотрю.

— Не «посмотрю». Приходи. Папа обещал готовить сам.

— Тогда точно надо подумать.

— Не издевайся. Он теперь умеет делать что-то кроме мяса.

— Макароны?

— Салат.

— Прогресс.

Антонина поднялась.

— Завтра в восемь. Я напишу адрес, хотя ты там была сто раз.

Кира кивнула.

На самом деле у Виктора Саблина она была всего дважды. Первый раз — после чемпионата, когда вся команда заехала поздравить Антонину с днём рождения. Второй — почти случайно, пару лет назад. Виктор тогда казался ей типичным отцом подруги: спокойным, занятым, немного отстранённым. Он вошёл, поздоровался, спросил, всё ли им нужно, и исчез в кабинете.

Кира едва запомнила его лицо.

— И не придумывай отговорки, — добавила Антонина.
— Ты и так в последнее время превращаешься в монашку.
— Я готовлюсь к соревнованиям.

— Ты всегда готовишься к соревнованиям. Это уже не оправдание.

— У меня других нет.

— Вот завтра и придумаем.

Она подхватила сумку и вышла, оставив после себя запах холодного воздуха и духов.

Кира осталась одна.

Телефон снова завибрировал. Поздравления шли десятками. Менеджер прислал расписание на завтра: интервью, фотосессия, короткая встреча со спонсором. Тренер — сухое «Молодец. В десять разминка». Мама отправила пять сердечек и фотографию экрана телевизора, на котором Кира стояла на пьедестале.

Кира ответила всем почти автоматически.

Потом выключила экран.

Ей вдруг очень захотелось, чтобы никто ничего от неё не хотел хотя бы один вечер.

В гостинице она оказалась ближе к полуночи.

Администратор поздравил её, узнав по телевизору, и смущённо попросил фотографию для дочери. Кира не отказала. Она никогда не отказывала детям. Особенно девочкам, которые занимались гимнастикой и смотрели на неё тем самым взглядом, каким когда-то она сама смотрела на старших спортсменов.

В номере пахло кондиционером и чужим стиральным порошком.

Кира закрыла дверь, сбросила туфли и осторожно положила медаль на стол.

На несколько секунд наступила полная тишина.

Она включила телевизор, тут же выключила. Налила воду, выпила половину стакана. Сняла макияж. Приняла душ. Проверила телефон.

Сообщений стало ещё больше.

«Гордимся!»

«Ты лучшая!»

«Королева!»

«Вот это характер!»

Она поставила телефон на беззвучный режим и легла.

Тело было тяжёлым, измученным, готовым отключиться мгновенно.

Но сон не приходил.

Кира перевернулась на бок.

Закрыла глаза.

Сосчитала вдохи.

Снова перевернулась.

В голове всплывали движения сегодняшней программы: поворот, прыжок, выброс, мгновение, когда лента едва не коснулась ковра не там, где нужно. Она знала каждую свою неточность, хотя зрители их не заметили. Потом вспомнился взгляд тренера. Потом вопрос журналиста: «Что дальше?»

Кира тогда ответила привычно:

«Работать. Впереди новый сезон».

Но новый сезон был не таким очевидным.

Последние месяцы тренер всё чаще осторожно заводила разговор о будущем. Не прямо. Никто не говорил слова «заканчивать». В большом спорте такие слова старались произносить только тогда, когда решение уже принято.

Но Кира умела слышать паузы.

Ей было двадцать четыре.

Для обычной женщины — почти начало взрослой жизни.

Для гимнастки — возраст, когда каждый сезон начинают обсуждать как возможный последний.

Она лежала и смотрела в потолок.

Что будет потом?

Тренерская работа? Телевидение? Реклама? Своя школа? Семья?

Последнее слово вызвало у неё почти раздражение.

Семья возникала в разговорах окружающих как обязательный приз после спорта. Будто за годы тренировок ей полагался мужчина, дом и ребёнок — как ещё один комплект наград.

Кира не была против любви.

Просто не знала, где в её жизни для неё было место.

Телефон вспыхнул на тумбочке.

Она не хотела смотреть.

Посмотрела.

Антонина: «Ты спишь?»

Кира усмехнулась и напечатала:

«Разумеется».

Ответ пришёл сразу.

«Тогда не забудь: завтра в 20:00 у папы. И не вздумай отменить».

Кира написала:

«Тиран».

Антонина прислала смеющийся смайлик.

Кира положила телефон обратно.

Прошла минута.

Потом пять.

Она посмотрела на часы.

3:17.

— Прекрасно, — сказала она вслух.

Голос прозвучал в тёмном номере непривычно громко.

Она встала, подошла к окну и раздвинула шторы.

Город внизу ещё не спал. По мокрому асфальту двигались машины, красные огни растягивались длинными полосами. Где-то за стеклянными фасадами горел свет. Кто-то работал, кто-то возвращался домой, кто-то, возможно, так же стоял у окна и не мог уснуть.

Кира прижалась лбом к холодному стеклу.

Она должна была быть счастлива.

Сегодня она выиграла.

Сегодня ей аплодировали стоя.

Сегодня её имя снова появилось в новостях.

И всё же внутри было странное ощущение, будто она по-

дошла к двери, за которой заканчивалась одна жизнь, а открыть следующую ещё не решалась.

Телефон снова загорелся.

На этот раз это была фотография от Антонины.

Большой деревянный стол, тарелки, бутылка вина и Виктор Саблин, пойманный камерой в момент, когда он что-то резал на кухне. На нём была простая тёмная рубашка с закатанными рукавами. Он смотрел не в объектив, а куда-то в сторону, нахмурившись так серьёзно, словно от того, насколько ровно будет нарезан хлеб, зависел исход переговоров мирового масштаба.

Под фотографией Антонина написала:

«Доказательство: он реально готовит. Так что завтра без отговорок».

Кира увеличила снимок.

Сама не понимая зачем.

Виктор выглядел старше мужчин, которые обычно пытались познакомиться с ней после соревнований или писали в социальных сетях. В его волосах была седина. На лице — резкие складки у рта. Никакой демонстративной молодости, никакой попытки понравиться.

Она вспомнила, как однажды он коротко сказал ей в прихожей:

— Кира, кажется? Поздравляю с победой.

И тут же отошёл, потому что ему позвонили.

Тогда это её совершенно не задело.

Сейчас почему-то вспомнилось.

Кира уменьшила фотографию и положила телефон экраном вниз.

— Спи, Белова.

Она вернулась в кровать.

Закрыла глаза.

Но теперь вместо сегодняшней программы перед ней почему-то возник чужой дом, завтрашний ужин и мужчина, которого она до этой ночи почти не замечала.

Кира раздражённо натянула одеяло выше.

Через несколько минут снова посмотрела на часы.

3:24.

До утра оставалось слишком мало времени.

До завтрашнего вечера — слишком много.

Глава 2. Саблин

Кира терпеть не могла приходить в гости сразу после тренировки. Ей казалось, что спорт ещё держится на ней невидимой плёнкой: в волосах остаётся запах зала, на коже — сухое тепло магнезии, в плечах — то особое напряжение, которое не смывается душем. Хотелось сначала побыть одной, хотя бы час, чтобы перестать быть спортсменкой и снова стать человеком.

Но Антонина не приняла никаких возражений.

— Даже не начинай, — сказала она по телефону. — Ты обещала. Папа уже купил рыбу, а он, между прочим, выбирает её дольше, чем я купальник на чемпионат.

— Это потому, что твой отец относится к рыбе серьёзнее, чем ты к купальникам.

— Вот именно. Так что приезжай и уважай семейную традицию.

Кира улыбнулась, хотя усталость тянула веки вниз. После вчерашнего турнира тело просило покоя, а сегодняшний день тренер всё равно начал как обычный: растяжка, связки, повтор сложных элементов, разговор о следующем старте. Победа уже перестала принадлежать вчерашнему вечеру. Она быстро становилась обязанностью на завтра.

Кира приехала к Саблиным около восьми.

Дом Виктора находился в тихом старом районе, где дере-

вья были выше крыш, а машины почему-то всегда ехали медленнее. Никакой показной роскоши. Тёмный фасад, большие окна, небольшой двор, в котором даже поздней осенью оставалось что-то ухоженное и спокойное.

Антонина открыла дверь босиком, с собранными в небрежный узел волосами.

— Ну наконец-то. Я уже думала, ты передумала.

— Я думала об этом.

— Поздно. Ты в плену.

Она обняла Киру и потащила в дом.

На кухне пахло розмарином, лимоном и горячим хлебом. За столом стоял Виктор Саблин. На нём была белая рубашка с закатанными рукавами, без пиджака, без галстука, и Кира впервые заметила, что дома он выглядит совсем не так, как на соревнованиях, куда иногда приходил смотреть на дочь. Там он всегда казался частью взрослого мира — собранным, немного отстранённым, человеком, которому не нужно доказывать своё присутствие.

Здесь он держал в руке нож и спокойно разделял запечённую рыбу.

— Добрый вечер, Кира, — сказал он.

— Добрый вечер.

— Поздравляю с победой.

Она автоматически улыбнулась той улыбкой, которой отвечала сегодня уже десятки раз.

— Спасибо.

— Пап, ты видел финал? — вмешалась Антонина. — Она сделала тот риск, который тренер вообще не хотел ставить.

— Видел.

Виктор взглянул на Киру.

— Было страшно?

Вопрос прозвучал так буднично, что она не сразу поняла, что он спрашивает не о результате.

— Нет.

— Врёшь, — весело сказала Антонина. — Я бы на её месте умерла ещё до выхода.

Кира сняла пальто.

— Не было времени бояться.

— Хороший ответ, — сказал Виктор. — Обычно именно так и говорят люди, которым было страшно.

Она посмотрела на него внимательнее.

Ей не понравилось, что он заметил.

И одновременно понравилось слишком сильно.

За ужином Антонина говорила больше всех. Рассказывала о сборах, о новой постановке, о тренере, который способен одним взглядом испортить настроение на неделю. Виктор слушал её спокойно, иногда задавая короткие вопросы. Он не перебивал и не давал советов, если его не просили.

Кира наблюдала за ним почти незаметно для себя.

Ей всегда казалось, что родители спортсменов делятся на два типа: одни живут карьерой дочерей так, будто сами выходят на ковёр, другие нарочно держатся в стороне, чтобы

не мешать. Виктор не был похож ни на тех, ни на других. Он интересовался Антониной, но не пытался управлять её жизнью.

— А ты когда-нибудь уговаривал Тоню бросить? — спросила Кира.

Антонина возмущённо подняла голову.

— Кира!

— Что?

— Не давай ему идеи.

Виктор усмехнулся.

— Один раз.

— Два, — поправила дочь.

— Второй раз я не уговаривал. Я спросил.

— Это было хуже. Ты умеешь так спросить, что потом человек три дня думает, зачем он живёт.

Кира рассмеялась.

— Хорошее качество для отца.

— Плохое, — сказала Антонина. — Особенно если отец архитектор и считает, что всё в жизни должно иметь конструкцию.

— А разве не должно? — спросил Виктор.

— Нет. Иногда человек просто хочет есть десерт и не анализировать фундамент.

Виктор поставил перед ней тарелку.

— Тогда ешь и не анализируй.

Антонина победно посмотрела на Киру.

— Видишь, как я его воспитала?

После ужина она ушла отвечать на звонок тренера. Кира осталась в гостиной одна с Виктором.

На несколько секунд возникла тишина, которая показалась ей неожиданно заметной.

Она подошла к большому окну. За стеклом блестел мокрый асфальт. В саду горели два низких фонаря.

— Красиво, — сказала Кира.

— Ночью лучше.

— Почему?

— Меньше видно лишнего.

Она обернулась.

— Архитектор говорит, что меньше видеть лучше?

— Иногда.

Виктор поставил чашку на стол.

— Днём всё требует внимания. Ночью остаётся главное.

Кира не нашла, что ответить.

Он говорил спокойно, без попытки произвести впечатление. Именно это и сбивало её.

Большинство мужчин, которых она знала, рядом с ней так или иначе старались стать заметнее. Говорили громче, шутили больше, демонстрировали уверенность. Некоторые начинали рассказывать о деньгах, машинах, связях, тренировках, путешествиях — о чём угодно, лишь бы заполнить пространство собой.

Саблин ничего не заполнял.

Он просто был.

— Ты очень устала? — спросил он.

— Видно?

— Немного.

— Значит, плохо замаскировала.

— А зачем маскировать?

Кира пожала плечами.

— Привычка.

— Спортивная?

— Наверное.

— Или женская?

Она посмотрела на него быстрее, чем хотела.

Но в его лице не было улыбки.

— А вы всегда так разговариваете с гостями дочери?

— Нет.

Ответ был слишком простой.

Кира отвела взгляд.

В комнате стоял высокий стеллаж с книгами. Она подошла ближе, провела пальцем по корешкам.

— Вы всё это читали?

— Большую часть.

— Антонина говорит, что вы скучный.

— Антонина считает скучным всё, где нельзя выиграть медаль.

— Неправда! — крикнула Антонина из коридора.

Кира улыбнулась.

— Хороший слух.

— С детства.

Виктор подошёл к стеллажу и достал тонкую книгу в тёмной обложке.

— Вот эту читала?

Кира посмотрела на название.

— Нет.

— Тогда не буду советовать.

— Почему?

— Советы портят удовольствие.

— Странный способ рекомендовать книги.

— Работает.

Он протянул ей книгу.

Кира взяла её, и их пальцы на секунду коснулись.

Обычное движение.

Ничего не произошло.

И всё же она сразу отняла руку.

Ей стало смешно от собственной реакции.

Сорок тысяч зрителей не заставляли её волноваться так, как одно случайное прикосновение человека, который даже не пытался её коснуться.

— О чём она? — спросила Кира, чтобы заполнить паузу.

— О человеке, который слишком долго делал то, чего от него ждали.

Она подняла глаза.

— И чем закончилось?

— Если скажу, читать будет бессмысленно.

— Значит, плохо закончилось.

— Почему обязательно плохо?

— Если бы хорошо, вы бы сказали.

Виктор улыбнулся.

Впервые за вечер Кира увидела его улыбку не как часть вежливости. Она неожиданно делала его моложе, но не превращала в другого человека.

— Ты всегда пытаешься заранее узнать конец?

— Да.

— Почему?

— Не люблю сюрпризы.

— В спорте?

— Везде.

— Получается?

Кира хотела сказать «да».

Так она отвечала обычно.

Но почему-то передумала.

— Не всегда.

Антонина вернулась и плюхнулась в кресло.

— Всё. Меня официально хотят убить. Завтра в семь утра зал.

— В семь тридцать, — сказала Кира.

— Ты сейчас на чьей стороне?

— На стороне часов.

— Предательница.

Она потянулась к телефону.

— Пап, вызови нам такси.

— Я отвезу.

— Не надо, — сказала Кира почти сразу. — Я вызову сама.

Виктор взглянул на неё, но спорить не стал.

Антонина ушла переодеваться, а Кира снова осталась с ним вдвоём, теперь уже в прихожей.

Она надела пальто, поправила волосы перед зеркалом.

— Книгу не забудь, — сказал Виктор.

Кира посмотрела на тёмную обложку, которую оставила на комоде.

— Точно.

Она взяла её.

— Верну.

— Не торопись.

— Я быстро читаю.

— Я не об этом.

Снова та самая интонация.

Не флирт.

Не намёк.

Просто фраза, которая почему-то задерживалась дольше, чем должна была.

Антонина появилась на лестнице.

— Я готова. Кира, ты чего зависла?

— Ничего.

— Папа опять кого-то заставил думать?

— Похоже на то.

— Я предупреждала.

Они вышли на улицу.

Такси ещё не приехало. Воздух был холодным, влажным, и Кира глубоко вдохнула, словно после долгого пребывания в душной комнате.

Антонина продолжала что-то рассказывать, листая сообщения в телефоне.

Кира слушала вполуха.

Перед глазами почему-то стоял Саблин у книжного шкафа.

Белая рубашка. Закатанные рукава. Спокойный взгляд.

Она рассердилась на себя.

Человек просто дал ей книгу.

И всё.

В такси Антонина почти сразу начала зевать.

— Я завтра умру.

— Не умрёшь.

— Откуда такая уверенность?

— Мы спортсменки. Нам запрещено умирать вне графика.

Антонина засмеялась и положила голову Кире на плечо.

— Хорошо, что ты пришла.

— Мне тоже.

— Папа тебе понравился?

На мгновение у Киры всё внутри замерло.

— В каком смысле?

— Господи, Белова, успокойся. Как человек.

— Нормальный.

— «Нормальный» — это твоя высшая степень похвалы?

— После тренировки — да.

Антонина закрыла глаза.

— Он вообще хороший. Просто иногда слишком серьёзный. После развода ещё больше закрылся.

Кира молчала.

— Мама говорит, он сам виноват, — продолжила Антонина. — У него работа всегда была важнее всего. Потом оказалось, что жить с человеком, который мысленно всё время строит какой-нибудь дом, сложно.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, они оба хорошие. Просто вместе были несчастными.

Антонина сказала это без обиды.

Потом открыла глаза.

— Только не вздумай жалеть папу. Он этого терпеть не может.

— Не собиралась.

— Вот и правильно.

У дома Киры они попрощались.

Поднимаясь в квартиру, Кира вспомнила о книге.

Она положила её на кухонный стол, переделалась, приняла

душ и почти час пыталась заняться привычными делами: отвечала на сообщения, смотрела расписание тренировок, открыла почту, даже включила сериал, который давно собиралась посмотреть.

Ничего не удерживало внимание.

В конце концов она вернулась на кухню.

Книга лежала там, где она её оставила.

Кира открыла первую страницу.

Прочитала несколько абзацев.

Потом ещё страницу.

В какой-то момент поняла, что уже не читает.

Она думала о вопросе, который Виктор задал ей за ужином.

Не о страхе.

О другом.

Он спросил, любит ли она гимнастику.

И ей вдруг стало неприятно от того, насколько быстро она ответила.

«Конечно».

Слово получилось почти профессиональным.

Как улыбка перед камерой.

Кира закрыла книгу.

На часах было без двадцати два.

Она встала, налила воды, подошла к окну.

Город жил обычной жизнью. В соседнем доме гасли окна. По мокрой улице проехала машина. Где-то наверху играла

музыка.

Кира подумала о тренировке утром.

О следующем турнире.

О том, что тренер уже сказал: нужно усложнять программ-
му.

О том, что все вокруг уверены — впереди у неё ещё
несколько сильных сезонов.

А она сама не была уверена даже в том, хочет ли этого.

Эта мысль испугала сильнее любого сложного элемента.

Она вернулась к столу и снова открыла книгу.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Антонины:

«Не забудь поставить будильник. Иначе я завтра лично те-
бя убую».

Кира ответила смеющимся смайлом.

Потом положила телефон экраном вниз.

Но почти сразу снова взяла его.

Никаких новых сообщений.

И только тогда она поняла, что проверяла вовсе не Анто-
нину.

Кира медленно положила телефон обратно.

— Глупость, — сказала она вслух.

Комната молчала.

Она прочитала ещё несколько страниц, легла около полу-
ночи и долго смотрела в темноту.

Сон не приходил.

Через какое-то время Кира повернулась на бок и закрыла глаза.

В памяти снова возник Виктор Саблин.

Не его лицо.

Не руки.

Не голос.

Вопрос.

«Ты всё ещё любишь гимнастику?»

Она раздражённо перевернулась на другой бок.

Но вопрос остался.

И впервые за много лет Кира не смогла ответить на него даже самой себе.

Глава 3. Не тот взгляд

На следующий день Кира пришла в зал раньше всех. Так бывало редко. Обычно она появлялась минута в минуту, не оставляя себе ни времени на разговоры, ни возможности передумать. Но сегодня она проснулась до будильника и поняла, что лежать в темноте ещё двадцать минут невыносимо.

В раздевалке было тихо. Свет горел только над зеркалами. Кира переоделась, собрала волосы в высокий хвост и долго затягивала резинку, хотя та и без того держала крепко. Потом вышла в зал, включила верхний свет и на несколько секунд остановилась посреди ковра.

Пустой зал всегда нравился ей больше заполненного. Здесь никто не ждал от неё улыбки. Никто не спрашивал, готова ли она победить. Никто не смотрел, достаточно ли высоко она подняла подбородок перед камерой.

Она бросила ленту, поймала её на первом обороте, прошла связку почти без разогрева и сразу почувствовала, как тело протестует. Плечо отозвалось тупой болью. Кира поморщилась, но не остановилась.

— Если ты решила закончить карьеру сегодня утром, могла хотя бы предупредить, — раздался голос от двери.

Антонина стояла с бумажным стаканом кофе и смотрела на неё с выражением человека, который уже успел сделать выводы.

— Ты почему так рано?

— Хотела задать тебе тот же вопрос.

Кира подняла ленту с пола.

— Не спалось.

— Опять?

— Бывает.

Антонина поставила стакан на скамью и подошла ближе.

— У тебя это «бывает» уже вторую неделю. Вчера ты после ужина выглядела так, будто тебе сообщили государственную тайну.

Кира взглянула на неё.

— Просто устала.

— Конечно. Ты всегда просто устала. Даже когда злишься — устала. Когда молчишь — устала. Когда хочешь кого-нибудь убить — тоже, подозреваю, устала.

— Очень удобная причина.

— Поэтому ты её и любишь.

Антонина улыбнулась и начала разминать стопы у станка.

Кира тоже улыбнулась, но почти сразу отвела взгляд. Ей вдруг вспомнился вчерашний вопрос Виктора. Не слова даже, а то, как он смотрел на неё, пока ждал ответа. Без любопытства. Без снисхождения. Будто ответ действительно принадлежал только ей.

«Ты всё ещё любишь гимнастику?»

Она резко подняла ногу выше, чем требовала разминка.

— Ты решила сегодня доказать ковру, кто главный? —

спросила Антонина.

— Он давно знает.

— Тогда пожалей его.

Кира усмехнулась. Разговор помог. На несколько минут Виктор исчез из мыслей.

Но ненадолго.

К середине тренировки зал наполнился голосами, музыкой и привычным ритмом команд. Тренер несколько раз остановила Киру на одном и том же элементе.

— Белова, ты где?

— Здесь.

— Нет. Здесь только твоё тело. Голова где-то гуляет. Верни её до прогона.

Кира кивнула.

Она никогда не любила замечания, в которых была правда.

После третьей попытки связка получилась чисто. Тренер ничего не сказала — только коротко кивнула. Для Киры этого обычно было достаточно, чтобы весь остальной мир отступил. Сегодня не сработало.

Во время короткого перерыва Антонина села рядом и протянула ей бутылку воды.

— Папа сказал, что ты ему понравилась.

Кира замерла всего на мгновение.

— Я и раньше ему нравилась. Наверное.

— Раньше он говорил: «У тебя хорошая подруга». А вчера

сказал: «Интересная у тебя Кира». Это уже почти признание в симпатии. Для Саблина вообще-то.

— У тебя отец всех людей оценивает такими категориями?

— Нет. Большинство он никак не оценивает. Ему лень.

Кира сделала глоток воды.

— И что во мне интересного?

Антонина повернулась к ней всем корпусом.

— Ага.

— Что «ага»?

— Ничего. Просто ты спросила.

— Это был обычный вопрос.

— Конечно.

— Тоня.

— Всё, молчу.

Но молчала она недолго.

— На самом деле я рада, что вы поговорили. Он в последнее время вообще редко с кем разговаривает по-настоящему.

— Почему?

Кира спросила слишком быстро и сама это услышала.

Антонина, к счастью, не придавала значения.

— Потому что он сложный. И ленивый в отношениях. Не в смысле плохой. Просто если человеку надо объяснять, почему ему можно доверять, папа скорее уйдёт, чем станет объяснять.

— Очень удобная позиция.

— У вас много общего.

Кира повернулась к ней.

— С чего ты взяла?

— Вы оба делаете вид, что вам никто не нужен.

Фраза прозвучала легко, почти шуткой, но Кира почему-то не нашлась с ответом.

Тренер хлопнула в ладони, призывая всех на ковёр.

Разговор закончился.

Однако слова Антонины остались.

После тренировки Кира ехала домой на заднем сиденье такси и смотрела в окно. Город плыл мимо серыми фасадами, витринами и людьми, которые куда-то спешили. Обычно она использовала дорогу, чтобы отвечать на сообщения, просматривать расписание, согласовывать интервью. Сегодня телефон лежал в сумке.

Она вспоминала мужчин, которые появлялись в её жизни за последние годы.

Их было немного. Не потому, что не было желающих. Наоборот.

Слишком часто всё начиналось одинаково.

Взгляд.

Комплимент.

Попытка приблизиться быстрее, чем она успевала понять, хочет ли этого сама.

Один восхищался её ногами так настойчиво, будто именно он их вырастил. Другой на первом свидании говорил о

том, как эффектно она выглядит на фотографиях. Третий почти сразу начал фантазировать, как они будут появляться вместе на мероприятиях.

Кира быстро научилась распознавать этот взгляд.

Мужчины смотрели на неё как на уже полученный приз, хотя она ещё даже не решила, хочет ли участвовать в их соревновании.

Виктор смотрел иначе.

Вот что её тревожило.

Он смотрел ей в глаза, когда она говорила. Не опускал взгляд на её тело, не задерживался на губах, не пытался угадывать, произвёл ли впечатление.

И вчера, когда она вышла на кухню за водой, он вообще продолжил резать лимон, будто красивая молодая женщина рядом не была событием.

Это почему-то задело.

Кира усмехнулась самой себе.

Ей двадцать четыре года. Она умеет выходить под свет тысяч зрителей и не дрожать. Она знает, как выглядеть на камере, как улыбнуться журналисту, который в десятый раз задаёт один и тот же вопрос, как выдержать чужое внимание и не показать усталости.

И вдруг её интересуется мужчина, который словно не заметил ничего из того, что обычно замечали первым.

«Глупость», — решила она.

Такси остановилось у дома.

Кира расплатилась, поднялась в квартиру и почти сразу обнаружила, что думает о нём снова.

На кухне она включила чайник, открыла холодильник, закрыла его, не взяв ничего, и только тогда достала телефон.

Новых сообщений от Виктора не было.

Почему они вообще должны были быть?

Она положила телефон на стол.

Через минуту взяла снова.

Открыла переписку с Антониной.

Там было несколько сообщений про завтрашнее время тренировки, фотография неудачного купальника и короткое: «Если увидишь такой на мне — застрели».

Кира улыбнулась.

Потом написала:

«Твой отец правда ни с кем не встречается?»

Она посмотрела на сообщение и не отправила.

Стёрла.

Написала другое:

«Как плечо?»

Отправила.

Ответ пришёл почти сразу:

«Живо. А вот тренер завтра его добьёт. Почему спрашиваешь? Соскучилась?»

«Проверяю, выйдешь ли ты на тренировку».

«Какая забота. Я тронута».

Кира отложила телефон и наконец налила чай.

Вечером ей позвонила мать. Они говорили о соревнованиях, о предстоящих съёмках и о том, что Кире надо чаще отдыхать.

— Ты опять плохо спишь? — спросила мать.

— С чего ты взяла?

— По голосу.

— Просто режим сбился.

— Тебе двадцать четыре, а говоришь как человек, у которого ипотека, трое детей и налоговая проверка.

— Спасибо за поддержку.

— Я серьёзно. Тебе надо иногда жить.

Кира подошла к окну.

— Я и живу.

— Нет. Ты всё время готовишься жить после следующего старта.

Она хотела возразить, но не стала.

В последние сутки люди словно договорились задавать ей вопросы, на которые она не хотела отвечать.

После разговора Кира приняла душ, надела домашнюю футболку и попыталась читать. Книга была всё та же, которую вчера обсуждали у Саблиных. Она дошла до места, где герой выбирал между привычной жизнью и чем-то, что могло её разрушить, и раздражённо закрыла книгу.

Телефон лежал рядом.

Экран оставался тёмным.

Кира вдруг вспомнила, что Виктор вчера спорил с ней

именно об этой сцене.

Он сказал, что люди чаще боятся не неправильного выбора, а необратимого.

Она тогда рассмеялась:

— Это одно и то же.

— Нет. Неправильный можно исправить. Необратимый просто становится частью тебя.

Теперь фраза звучала иначе.

Кира открыла книгу снова.

Через пять минут поняла, что читает одну и ту же строку.

Она встала и пошла на кухню.

Часы показывали без десяти двенадцать.

В телефоне появилось сообщение от Антонины.

«Я забыла у папы зарядку. Он завтра заедет ко мне в зал.

Если я буду на массаже, заberi у него, ладно?»

Кира смотрела на экран чуть дольше, чем следовало.

«Ладно».

Она отправила ответ и тут же почувствовала нелепое раздражение на себя.

Что изменилось?

Ничего.

Виктор приедет передать дочери зарядку. Кира, возможно, увидит его на две минуты. Или вообще не увидит.

Откуда тогда это ожидание?

Она легла поздно, но уснула быстро — впервые за несколько ночей.

На следующий день Виктор приехал около полудня.

Кира увидела его через стеклянную дверь коридора раньше, чем он заметил её.

На нём было тёмное пальто, под мышкой папка, в руке маленький белый пакет. Он говорил по телефону и выглядел совершенно неуместно среди спортивных сумок, ярких курток и девочек с туго собранными волосами.

Кира замедлила шаг.

Это произошло автоматически.

Она успела рассмотреть его со стороны и вдруг поняла, что вчера пыталась убедить себя в одном: её задевает его равнодушие.

Но равнодушия не было.

Когда Виктор закончил разговор и поднял глаза, его взгляд сразу нашёл её.

Не скользнул по залу.

Не задержался случайно.

Нашёл.

Кира остановилась.

Он улыбнулся едва заметно.

— Добрый день.

— Добрый.

— Антонина сказала отдать это тебе.

Он протянул пакет.

— Она на массаже.

— Я догадался. Ответила мне: «Спасайся сам».

Кира засмеялась.

— Это на неё похоже.

— У неё очень чёткая система приоритетов.

Виктор посмотрел на закрытую дверь зала.

— Ты уже закончила?

— Почти.

— Значит, я не буду отвлекать.

Он сказал это просто и сделал шаг назад.

И тут Кира снова почувствовала то самое странное раздражение.

Другой мужчина наверняка нашёл бы повод задержаться. Спросил бы, когда она освободится. Предложил бы кофе. Хотя бы попытался продлить разговор.

Виктор собирался уйти.

— Вы всегда так быстро уходите? — спросила она.

Он посмотрел внимательнее.

— Откуда?

— Вообще.

На секунду между ними повисла пауза.

— Когда чувствую, что человеку есть чем заняться без меня, — ответил он.

— Очень благородно.

— Нет. Просто практично.

— А если человек не хочет, чтобы вы уходили?

Кира услышала собственные слова и почти пожалела, что сказала их.

Виктор не улыбнулся.

Его взгляд изменился совсем немного, но этого оказалось достаточно, чтобы она почувствовала тепло в лице.

— Тогда обычно он это показывает.

За дверью раздался голос тренера:

— Белова! Мы ждём только тебя!

Кира обернулась.

Когда снова посмотрела на Виктора, он уже отступил ещё на шаг.

— Иди, — сказал он. — А то меня начнут считать причиной падения спортивной дисциплины.

— Уже поздно.

Он усмехнулся.

— Удачной тренировки, Кира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.